

СВЯТИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

Его жизнь и деятельность

Часть I

IV век жизни Христианской Церкви, в который протекала деятельность славного отца и учителя Церкви - Василия Великого, был замечательным периодом в истории христианства. Три столетия христианство бесстрашно выдерживало гонения язычества, кровью мучеников запечатлевая цельность и кристальную чистоту Божественного учения. Но вот, когда в начале IV столетия был объявлен эдикт Константина и Ликиния о веротерпимости, когда для процветания христианства наступало, по-видимому, самое благоприятное время, Церковь оказалась охваченною пламенем внутренних раздоров и лжеучений. Одна за другой появляются в ней ереси - арианства, аполлинарианства, несторианства и евтихианства. Из этих четырех ересей самую опасную для Церкви Христовой являлось арианство. Оно было опасно потому, что в нем более чем в каждой из остальных перечисленных ересей, содержалось отрицание учения о Божестве Христа и извращались смысл и ценность этого учения. Сущность различия между православным учением о Христе и учением арианским состоит в том, что первое называет Его единосущным Богу, а второе - подобосущным. Эта разница внешне еще более сглаживается в греческом диалекте, так как единосущный по-гречески - омоусиос (omoousios), а подобосущный - омиусиос (omioisios). Итак, на греческом диалекте разница в учениях о Христе Православия и арианства выражалась внешне только в одной букве, и это обстоятельство являлось большим соблазном для миролюбивых и вместе с тем малопросвещенных душ. В самом деле, стоило ли упорствовать из-за одной только буквы, если удержание ее в Символе веры грозило серьезною опасностью для мира Церкви? Так думали даже многие епископы, искренно верующие и в то же время не видевшие глубокой разницы между этими двумя определениями. А между тем Православие, называя Христа единосущным (омоусиос), учит о Нем как о Творце; для арианства же Христос был просто творением (омиусиос)! Затем, опасность арианства для Церкви Православной увеличивалась еще в силу особых внешних условий, способствовавших его распространению.

Восточные императоры, начиная с Константина, считали себя покровителями христианства и вмешивались в решение богословских вопросов и споров. Константин являлся сторонником Православия и потому преследовал ариан. Но следующие за ним императоры уклонялись в сторону арианства. Во время Василия Великого восточным императором был Валент. Этот не только был арианом, но и злейшим врагом и гонителем Православия, и арианство было уже господствующей церковью. Но не в гонениях заключалась главная опасность для Православия: оно пережило гонения языческих императоров, а потому преследования его арианствующими императорами сами по себе не были так страшны. Зло ересей состояло в том, что они вносили в Православную Церковь религиозную неустойчивость и подрыв авторитета Церкви. Еретики кощунственно набрасывались на драгоценные перлы христианской истины и своим отношением к ней роняли ее ценность в глазах окружающих.

Арий рассматривал Христово учение как произведение человеческого духа. Такого же взгляда держались в своем понимании христианства и другие еретики. Свобода в толковании учения Христа, силой вещей установившаяся с появлением ересей, невольно передалась и народным массам и была воспринята ими. Отсюда понятно, что церковный авторитет являлся лишним. Всякий толковал Евангелие сообразно своему личному пониманию. Все хотели учить, и никто не хотел учиться. "Весь мир богословствовал: священник на своей кафедре, ученый в своем кабинете, празднующийся на площади рынка, ремесленник в своей мастерской". Всякий

считал себя способным разъяснить самый сложный богословский вопрос. В Византии о высших тайнах христианского учения авторитетно рассуждали пекари и цирюльники. Григорий Нисский приводит ряд богословских вопросов, которые задавали друг другу византийские торговцы. В эту эпоху, по словам блаженного Иеронима, не было даже такой глупой старой женщины, которая не бралась бы объяснять самые трудные места Священного Писания. Все перемешалось, и в роли как истолкователей Божественных истин, так и вождей религиозных движений являлись часто лица наименее просвещенные. Аетий, который вместе с Евномием Каппадокийским руководил сторонниками крайнего арианства, утверждавшего уже, что Сын не подобен Отцу, раньше был рабом и медником. Борьба с ересями являлась весьма трудной и по необходимости должна была носить затяжной характер. При общей религиозной неустойчивости каждая нарождающаяся ересь легко приобретала себе круг сторонников, а вместе с тем и широкое распространение. Затем, три века языческих гонений, конечно, не прошли бесследно для Церкви. Они сильно задержали развитие богословской мысли. Ко времени появления арианства существовавшие Символы (образцы) веры были настолько неопределенны и неясны, что каждая ересь могла толковать такой Символ в свою пользу. Эта неопределенность была причиной того, что слабые, неокрепшие души легко поддавались всяким лжеучениям. Наконец, существенное зло ересей было в том, что они таили в себе яд разложения. Гонения языческих императоров сплывали христиан в тесную, дружную семью - ереси порождали в христианском обществе раздоры и ненависть.

IV век был эпохой, к которой так применимы слова святителя Кирилла Иерусалимского о состоянии Церкви: епископы восстают против епископов, духовенство против духовенства, миряне против мирян, даже до кровопролития. В Церкви царит полная анархия. "Не было царя во Израиле, - так характеризует состояние Церкви святой Василий Великий, - всякий делал то, что было правым в его собственных глазах". Церковная власть была бессильна бороться с ересями, так как была не на высоте своего положения. В епископы попадали лица, не всегда достойные этого высокого сана. Их алчность, самонадеянность, гордость и взаимные раздоры в народе возбуждали к ним лишь недружелюбие, а истинным христианам, ревнующим о благе Церкви, доставляли великое огорчение. Но и те из епископов, которые были безупречны в нравственном отношении и желали служить на благо Церкви, благодаря своей богословской непросвещенности часто невольно помогали распространению ересей. Так, безупречные и благочестивые епископы Григорий (отец Григория Богослова) и Дианий (Кесарийский) подписали известный арианский Символ веры, полагая, что этим они внесут мир и успокоение в Церковь. Они не могли вникнуть в тонкости и различия понятий, содержащихся в словах *омоусиос* и *омиусиос*, и не видели в арианстве ничего еретического, ничего противоречащего духу христианства. Неудовлетворителен был и состав низшего клира. В пресвитеры шли не по призванию, а по каким-либо практическим соображениям. Паства таких пресвитеров мало интересовала. Большую часть времени они посвящали побочным занятиям - ремеслу, сельскому хозяйству и т.д. Нестроения церковные сильно уронили авторитет Церкви. Ссоры епископов, их сребролюбие и невежество пресвитеров давали обильную пищу даже для театральных зрелищ и насмешек врагов Церкви.

Состояние Церкви было таково, что для поднятия ее значения, для устройства ее и для примирения враждующих чад ее нужны были архипастыри с исключительными дарованиями и выдающиеся по своей жизни. В лице Василия Великого Церковь получила руководителя, отмеченного благодатью Божьей, наделенного высшими дарованиями духа. Широкое богословское образование делало его стойким и авторитетным защитником Православия против ересей. Необычайная энергия, твердость воли и готовность для блага Церкви на

самопожертвование помогали ему вести дело преобразования и устройства Церкви. В борьбе с ересями он был непреклонен. В деле помощи бедным и в утешении угнетенных и обиженных - щедр и любвеобилен. Его молчание было благородно, беседы - гениальны. Наименование "Великий" дано ему за великую творческую деятельность на благо Церкви. Его внутренним качествам соответствовали и его наружные данные. Его внешность придавала вес и убедительность его красноречию. Осанка была важной и спокойной. Высокий рост, бледное лицо и пронизательные глаза говорили о высоком его происхождении.

Часть II

Василий Великий родился около 329 года в Неокесарии, местности, находившейся близ Кесарии, главного города Каппадокийской области, в Малой Азии. Семья, в которой родился святитель Василий, была богатой, благочестивой и пользовалась особым расположением и любовью христиан Кесарии, так как из рода этой семьи вышли не только примерные христиане, но и мученики. Дед и бабушка Василия по отцу были строгие христиане. Во время гонения Галерия и Максимиана они оба вынуждены были для того, чтобы остаться верными Христу, в течение семи лет скрываться в диких лесах Понта, подвергаясь всевозможным опасностям и лишениям. Еще более печальная участь постигла деда Василия со стороны матери, который в гонение Диоклетиана был замучен. Таким образом, семья Василия Великого имела основание гордиться своим прошлым, и оно являлось прочным фундаментом для христианской настроенности и религиозности ее членов. Отец Василия носил то же имя, как и он, и пользовался большою известностью в качестве учителя риторики. Вместе с тем, он был одним из образованнейших и состоятельных граждан своего города. Ему принадлежали имения в Понте, Каппадокии и Малой Армении. Его жена - Еммелия принадлежала к знатному к богатому роду, славилась своей красотой, и брак ее с Василием старшим был результатом строгого выбора и расположения, так как ее руки искали многие лица. От этого брачного союза родилось пять дочерей и пять сыновей. Старшею из детей была Макрина (то же имя было и у бабушки Василия). После смерти своего жениха Макрина дала обет посвятить себя целомудрию. Ее остальные сестры вышли замуж. Из пяти братьев один умер в раннем детстве, пятый трагически погиб во время рыбной ловли в водоворотах быстрой и опасной реки Ириса. Из оставшихся в живых трех братьев - Григорий был впоследствии епископом Нисским, а Петр - епископом Севастийским. Но в этой семье, кроме ее религиозности, таились и выдающиеся духовные дарования, которыми были наделены многие члены ее. Например, погибший преждевременно в потоках Ириса брат Василия - Навкратий, хотя и не мог развернуть свои дарования, но уже в юности выделялся своим умом и красноречием. Григорий Нисский по своей богословской учености и выдающимся трудам ставится наравне с Григорием Богословом. Их сестра Макрина тоже была, по-видимому, богато одаренная натура. Она была руководительницей и подругою Василия и Григория, а для Петра, когда он остался сиротой в раннем детстве, после смерти своего отца - отцом, учителем и матерью. Старший из сыновей - Василий, впоследствии архиепископ Кесарийский и великий Отец Церкви, более всех своих братьев выделялся блестящими дарованиями. Первоначальным воспитанием и попечением о нем занялась его бабушка Макрина, которая жила в одном из родовых имений в Понве. В то время не было в обычае, чтобы отец лично занимался первоначальным обучением и присмотром за своими детьми, чем и объясняется участие бабушки в воспитании Василия.

Когда Василий подрос, его дальнейшим образованием занялся отец, познакомил его со всем великим и чистым, что содержалось в творениях Гомера, Гезиода, трагиков, историков - Геродота и Фукидита; в этот период вкусил Василий сладость красноречия Демосфена и

других древних ораторов, "могучее красноречие которых воспламеняло Грецию и потрясло мир до Македонии и престола Артаксерксов" и вместе с тем, по-видимому, увлекло и юного Василия. У него пробуждается большая любознательность, и намечается склонность к изучению литературы и красноречия. Материальные дела его отца в это время находились в прекрасном положении. Несмотря на значительность семьи и сопряженные с ее содержанием расходы, отец Василия не задумывался над тем, чтобы дать своему сыну самое широкое образование. От него, как опытного учителя, не ускользнули, конечно, выдающиеся способности сына. Поэтому для продолжения образования он отправляет его в Кесарию, столицу Каппадокии.

Здесь получила начало его дружба с Григорием Богословом, здесь же он познакомился с Евстафием, впоследствии епископом Севастийским, который пленил его своей религиозностью и аскетическим настроением, хотя впоследствии религиозная неустойчивость Евстафия причиняла Василию в течение его жизни немало огорчений. В Кесарии умственные дарования Василия проявились в полном блеске. "Философ среди философов - даже раньше, чем он изучал философские доктрины, и что было главнее всего - священник для христиан даже раньше своего священства. Всё это признавали за ним все во всем", - так отзывался о нем в эту пору Григорий Богослов. Из Кесарии Василий отправился в Константинополь, а отсюда для завершения своего образования - в Афины. Афины, несмотря на переживаемый ими в эту эпоху упадок, все-таки считались центром культуры и просвещения, и сюда стекалась молодежь для слушания риториков и философов из самых отдаленных местностей Азии и Европы. Но кроме философии и красноречия афинские "студенты" изучали все общеобразовательные предметы древности и даже прикладные науки, как например, медицину.

Таким образом, Афины были по обширности и разносторонности образования древним университетом. Что же касается собственно учащейся молодежи, то в общем это была веселая, слишком шумная и жизнерадостная толпа юношей, которые собрались сюда, казалось, не ради серьезного дела, а для веселья и забав. Василий и его друг Григорий ярко выделялись среди этой массы, с которой у них ничего не могло быть общего. Им удалось собрать около себя кружок серьезных юношей, преследовавших цели самообразования. В этот кружок пытался войти Юлиан, будущий император, враг христианства и восстановитель языческого культа. Но в Афинах он скрывал свое расположение к язычеству и по политическим побуждениям выдавал себя за примерного христианина. На Григория Богослова Юлиан произвел отталкивающее впечатление. Василий не чувствовал к нему такого нерасположения, и Юлиан даже прибегал к его помощи при изучении Священного Писания.

В Афинах Василий пробыл около пяти лет, ревностно изучая все науки. Нельзя не отметить широкий взгляд как его, так и его друга Григория на значение языческих наук для христианина. В изучении этих наук они не только не усматривали для христиан вреда, но считали его почти необходимым. На свои занятия по риторике и литературе Василий смотрел как на приготовление к христианской деятельности. Все время своего пребывания в Афинах он проводил в обществе своего друга. Вместе они шли в школу и в христианскую церковь, вместе мечтали об отшельнической жизни. Аскетическое настроение уже овладело ими, и идеал своей жизни они видели в монашестве. Но источники влечения к отшельничеству у друзей были разные. Для созерцательного и неспособного к кипучей деятельности Григория аскетизм представлялся как идеальное условие для уединенной и углубленной в себя жизни. Энергичный и деятельный Василий смотрел на аскетизм как на вид деятельного и

непрестанного подвижничества в достижении христианского совершенствования. Жизнь отвлекает внимание бесчисленным множеством крупных и мелких забот. Отрешение от всей ее суеты сохранит душевные силы для одной высокой цели - самоусовершенствования. Таким образом, Афины дали Василию не только законченное и всестороннее по тому времени образование, но и, что важнее всего, они же явились местом, на котором расцвела и укрепилась его дружба с Григорием Богословом.

Афины Василий покинул без большого сожаления и возвратился в Кесарию, в которой не имел, однако, намерения долго оставаться. Но просьбы граждан, желавших познакомиться с образцами его ораторского искусства, задержали его на более продолжительное время. Его красноречие создало ему в этом городе большую известность, которая не была ему неприятна. Вместе с тем, удовольствия и увеселения столицы Каппадокии настолько увлекли своим показным блеском Василия, что его старшая сестра Макрина очень беспокоилась за дальнейшее направление его жизни. То же беспокойство заметно и в письмах его друзей - Григория и Евстафия Севастийского. Однако это увлечение мирской жизнью продолжалось недолго. Повлияло ли на него убеждение его любимой сестры Макрины или неожиданная смерть его брата Навкратия? Не имел ли на него влияния в этом направлении и его друг Григорий, искренно сожалевший о его уклонении с намеченного пути? Вполне определенных указаний по этому поводу в творениях Василия не имеется, но он подробно описывает свое прежнее состояние, которое сравнивает с глубоким сном. Пробуждение от этого сна было вместе с тем и прозрением. При свете Евангельской истины он "познал бесполезность мудрости преходящих правителей мира сего и, много оплакав свою жалкую жизнь, молился о том, чтобы ему дано было руководство для вступления в учение святости". Путем долгих религиозных размышлений он снова приходит к признанию монашеской жизни как "лучшего пути совершенства". В это время, в возрасте около 30 лет, он принимает крещение, а затем отправляется в путешествие - в Египет, Палестину и Месопотамию, чтобы непосредственно ознакомиться с образом жизни в пустынных общинах этих стран. Из этого путешествия он вынес глубокое благоговение к подвижникам и еще более укрепился в намерении подражать им.

Возвратившись на родину, он приводит в исполнение свое решение и поселяется в превосходной пустынной, но живописной местности, на берегу реки Ириса. С ним начали жить в пустыне его брат Григорий Нисский и все, кто желал вести монашескую жизнь. Не осуществилась лишь мечта Василия иметь около себя своего друга - Григория Богослова, несмотря на сильное желание и последнего, так как престарелые родители его нуждались в его помощи, и лишь изредка навещал Григорий своего друга. Жизнь, которую вел в своем отшельничестве Василий, была весьма суровой. Днем он носил тунику и верхний плащ, ночью же одевался в грубую власяницу. Постель его находилась на голой земле, и время, положенное для сна, он часто посвящал молитве. День же он посвящал физическому и умственному труду, пищей его был хлеб с солью, напитком - простая вода. Григорий во время своего пребывания в обители Василия вел такую же жизнь.

О времени совместного пребывания в уединении у Григория остались самые светлые воспоминания, окрыленные идиллическим представлением прошлого. "О, если бы, - восклицает он, - кто-либо перенес меня опять в прежние месяцы, в прежние дни, в которые я вместе с тобою роскошествовал в страданиях и тягостях!" А между тем жизнь, которую он проводил у своего друга, полна была усердного труда и лишений. Насколько она была тяжела и даже непосильна, свидетельствует указание Григория в его письме своему другу, что если

бы мать Василия, которая жила недалеко от места его уединения, - "эта великая и истинная кормилица бедных" - не являлась к ним в должное время, "подобно гавани для треплемых бурей", то они давно бы умерли, получая "не столько хвалы, сколько сожаления за верность Понту".

Собственный опыт подвижничества и наблюдение жизни монастырей Египта привели Василия к заключению, что существующие формы подвижничества - отшельничество и общежитие - не могут быть признаны удовлетворительными. По его убеждению, в жизни уединенных отшельников слишком много внутреннего самосозерцания, и потому мало остается места для проявления христианской любви. Затем, натуры слабые не выдерживают отшельничества, которое часто приводит их к сумасшествию, натуры же сильные - впадают в гордость. Человек и в город, и в пустыню несет с собой собственное "я". Если пустыня освобождает человека от житейских мелочей, то, с другой стороны, она не способна освободить его от бури страстей, противоречивых мыслей и желаний. "Нося с собой мои внутренние страсти, - говорит Василий, - я везде нахожусь в тех же самых тревожениях, так что не получил никакой значительной выгоды от этого уединения". В многолюдных же монастырских общежитиях, наоборот, преобладали физический труд и материальные заботы, так что для молитвы и духовного созерцания у монахов не было достаточно ни времени, ни настроения. Василий Великий создал смешанную форму монашеской жизни, которая соединяла в себе особенности отшельничества и общежития, но лишена была крайностей того и другого. В задачу его монастырей входила также широкая благотворительность и воспитание детей обоего пола. Умеренный и целесообразно выбранный физический труд чередовался с молитвой и созерцанием, давая отдых душевным силам. При помощи Григория Богослова, Василий Великий начертал правила для своих монастырей, которые сделались образцом для монастырей Востока.

Уединение в Понте не было постоянным, и Василий отсюда уже начинает проявлять энергичную деятельность на пользу Церкви. Так, он первый насадил в Понте и в Каппадокии монашеские учреждения, в которых вводил собственные уставы. Монастыри отвечали в то время как экономическому положению населения, так и духовным требованиям. С одной стороны, страшная бедность среди землевладельцев и ремесленников, тягости военной службы и другие тяжелые жизненные условия заставляли родителей и родственников приносить своих детей и сирот на воспитание в эти священные и тихие обители. С другой стороны, в народе создается убеждение в святости монастырской жизни. Многие брачные пары расходились и удалялись от мира, считая брак лишним, даже нечестивым. Особенно стремилась в монастыри молодежь, а ее восторженное настроение увлекало и старших. Поэтому недостатка в братии новых монастырей не ощущалось. Кроме поездок по делам открытия монастырей, Василий был в Константинополе и помогал Василию Анкирскому в его борьбе против ереси на Соборе в 359 году. Большую же часть времени он все-таки проводил в своем монастыре на берегу реки Ирис. Здесь он написал многие свои творения и письма, здесь он вместе со своим другом юности читал Священное Писание, изучал Оригена, и результатом совместных трудов явилась известная книга "Филокалия", представляющая собою систематически подобранный сборник изречений из творений Оригена.

Но это отшельничество не могло продолжаться долго. Состояние Церкви было столь печально, что как ни сильно было стремление Василия к отшельничеству, он не мог забыть о нуждах Церкви и отказать ей в своей помощи, когда эта помощь оказалась необходимою. Так, друг его Григорий Богослов, несмотря на свою склонность к уединению и отвращение ко

всякой активной деятельности, выступал со своим авторитетным словом как руководитель и примиритель спорящих сторон, и его помощь всегда была полезной. Для Василия такой шаг был тем легче, что по своей натуре он создан был для того, чтобы управлять.

Часть III

Во второй год (359) своего уединения Василий делается чтецом, и епископ Кесарийский Дианий выражает желание устроить его навсегда при кесарийской церкви, мечтая видеть в нем своего преемника. Однако одно важное обстоятельство отсрочило приведение этого плана в исполнение. Подобно многим епископам, Дианий подписал известный Риминийский Символ веры, силой навязанный императором Констанцием православным епископам, собравшимся в Римини (359). Подписал Дианий этот Символ потому, что прежде всего не был сильным богословом и, желая Церкви мира, как и отец Григория Богослова, не думал, что уступка только одной буквы - перемена "о" на "и" (*омиусиос* вместо *омоусиос*) в учении веры приведет к еще большему расколу и соблазну. Этот не вполне продуманный поступок глубоко огорчил Василия, он чувствовал, что не может иметь с ним общение и удалился из Кесарии в Назианз к Григорию, а затем в свой монастырь. Однако обстоятельства так сложились, что его возвращение в Кесарию явилось необходимым.

В 361 году умер Констанций, и ему наследовал Юлиан. Как ни тяжело было для Церкви правление арианина Констанция, считавшего себя великим богословом и вмешивавшегося в ее дела, но еще затруднительней стало ее положение при преемнике Констанция - Юлиане, который, задавшись целью воскресить культ язычества, проявлял к христианству явно враждебное отношение. Церковь из господствующей, в каком положении она находилась около 50 лет, превратилась в гонимую. Дианий был уже стар и немощен. Чувствуя свою беспомощность, он послал за Василием, и Василий прибыл. Дианий убедил его, что всегда заботился о благе Церкви, и если подписал документ, то в простоте своего сердца. Примирение состоялось, и вскоре после него, в 362 году, Дианий умер. Избрание его преемника происходило не во вполне обычных условиях, при приподнятом настроении епископов и народа. Народ хотел видеть на епископской кафедре Кесарии только магистра Евсевия, человека высоких нравственных качеств, но лишенного богословского образования, не подготовленного к высокому служению и некрещеного. Епископы не соглашались на утверждение Евсевия. Но умудренный опытом и рассудительный епископ Назианза Григорий, видя народное волнение и признавая за Евсевием крупные достоинства, уговорил и других епископов не упорствовать в своем избрании. При таких условиях состоялось крещение Евсевия и утверждение его на епископской кафедре Кесарии. Сознывая свою неподготовленность, он в качестве помощника приближает к себе Василия, который в 364 году был рукоположен им в сан пресвитера. Несмотря на то, что Василий почти весь труд по управлению нес на себе и лучшего себе помощника Евсевий не мог и желать, отношения между ними скоро обострились, и совместное служение оказалось невозможным. Евсевий находил, что Василий слишком гордо и повелительно обращается с ним. Считая такое отношение унижительным для себя, он изгнал его из церкви. В действительности, главной причиной разрыва было уязвленное самолюбие епископа, которого молодой пресвитер, благодаря своим выдающимся дарованиям и красноречию, оставлял совершенно в тени. Василий мог бы оказать сопротивление епископу и не подчиниться его решению. Его известность настолько возросла, что он мог с уверенностью сказать, что народ будет на его стороне. Но его друг Григорий, к которому он всегда обращался в трудные минуты своей жизни и к которому он отправился в Назианз и в данном случае, предложил ему посмотреть

на все событие с высшей, христианской точки зрения и поступить так, чтобы мир Церкви Кесарийской не был серьезно нарушен. Василий согласился с ним, и оба друга уединились в Понтийскую обитель Василия.

Между тем, внешние обстоятельства, от которых зависело благосостояние Церкви и которые в свою очередь порождались отношением правителей к Церкви, принимали все более и более угрожающий характер. В 363 году умер Юлиан, сраженный предательской стрелой, а вслед за ним, через год, умер и Иовиант, и императором Востока сделался арианин Валент. Вся его предшествующая деятельность при Констанции, когда явно обнаружились как его приверженность к арианству, так и неразборчивость в выборе средств для борьбы с истинной Церковью, говорила о том, что с воцарением Валента для Церкви настанут еще худшие времена, чем при Юлиане. С целью добиться торжества арианства, он предпринял путешествие по провинции, надеясь силой и угрозами склонить непокорных епископов к признанию истинности арианства. Подобно своему предшественнику Дианию, Евсевий увидел, что он один не может оказать авторитетного противодействия притязаниям Валента. Обращение за помощью к Григорию Богослову потерпело неудачу: благородный друг Василия ответил отказом по вполне понятным соображениям, но нашел возможным выступить в качестве примирителя обеих сторон и действовал настолько осторожно и обдуманно, что примирение состоялось. Возвратившись снова к своей деятельности пресвитера, Василий старался не давать повода для подозрительности Евсевия, а этот в свою очередь, наученный опытом, примирился с тем, что первенствующее место занимал его помощник, а ему пришлось довольствоваться лишь внешним почетом.

Этот период пресвитерской деятельности Василия является началом его непрерывной и блестящей деятельности на благо Церкви, когда в полной силе раскрылись его дарования как оратора, организатора и благотворителя. Его красноречивое слово, благодаря своей искренности, шло к сердцам слушателей, а благодаря простоте было понятно всем. Он проповедовал о пьянстве, посте и других предметах с поразительной неутомимостью, и его собирались слушать все, начиная с знатных и кончая рабочими Кесарии. В то же время им были произнесены знаменитые девять бесед о шести днях творения. Но словом он пользуется не для одного поучения, но и для утешения народа в любом общественном бедствии. Так, произнесена была им утешительная беседа по случаю засухи. Его благотворительность носила самый широкий характер и свидетельствовала о единении у него слова с делом. Утешая народ в каком-либо бедствии, Василий в то же время оказывал ему и материальную помощь. В 368 году Кесарию поразил страшный голод, который стал еще ощутимей благодаря стремлению богачей спекулировать на хлебе, удерживая запасы его в своих житницах. Василий Великий продал оставшееся после смерти его матери наследство - земельную собственность - и на вырученные деньги кормил голодных Кесарии, не различая пола, возраста и национальности (среди них были и кесарийские иудеи). Этот поступок тронул сердца богачей, и они открыли бедным свои хлебные запасы, и бедствие от голода таким образом было смягчено.

В 370 году Евсевий умер, и городу предстояла необходимость избрать ему преемника. Мнение лучших людей из народа, духовенства и монахов было на стороне Василия. Но его имя настолько было определено и ярко, что против него создалась также и сильная враждебная партия. В нее вошли прежде всего богачи, которых Василий постоянно обличал, затем ариане, так как видели в Василии непреклонного врага всяких ересей, и, наконец, чернь, падкая до цирковых зрелищ, которые Василий также осуждал. Если же прибавить к этому, что, несмотря на все дарования свои и услуги, оказанные Церкви, Василий не

располагал большинством голосов и среди провинциальных епископов, которые находили избрание Василия опасным в виду того, что на императорском престоле был арианин Валент, то ясно, что его избрание являлось делом весьма сомнительным. А между тем именно он, и только он был необходим Кесарийской Церкви в это тревожное время. Это сознавали и истинные друзья Церкви: Григорий Богослов, друг Василия, и его отец Григорий. Последний проявил исключительную энергию. Он написал Евсевию Самосатскому, убеждая его непременно отправиться для участия в избрании в Кесарию, и обратился с горячим посланием к народу Кесарии о необходимости избрания в епископы Василия. Эти два письма и решили, в сущности, участь избрания. Сам престарелый епископ, с трудом поднятый с одра болезни и перенесенный на носилках в Кесарию, принял участие в хиротонии Василия. Успех этого дела так поднял дух Григория-отца, что домой он возвратился как бы помолодевшим и выздоровевшим.

Итак, благодаря энергии и влиянию двух Григориев - отца и сына, Василий делается архиепископом Кесарии. Как епископу столицы округа, ему подчинено было 50 хореепископов, его власть распространялась на Понт, Армению, Галатию, Пафлагонию и Вифинию. Православное население отнеслось с восторгом к избранию Василия, а Афанасий Великий прислал ему поздравительное письмо. Но в то же время все, кто явно или тайно были настроены против избрания Василия, с утверждением его на епископской кафедре соединились в своей ненависти к нему, и с первых же шагов своей деятельности Василий встретился с клеветой и поношениями. С отъездом из Кесарии Евсевию Самосатского, епископы возвратились опять в нее с намерением попытаться отменить сделанное избрание. Это им не удалось, но огорчения Василию они доставили немало, как это видно из его писем к брату и к Евсевию Самосатскому. "Я вступил в жизнь, - пишет он первому, - которая измощает мое тело и огорчает даже мою душу". Клевета и вражда к нему свила прочное гнездо не только среди его врагов, но и среди его родственников, что в особенности его удручало. Его дядя Григорий, Каппадокийский епископ, долгое время находился в рядах его недругов. Другой его родственник Атарвий, епископ Неокесарийский, причинил ему много неприятностей, распространяя о нем клевету и вооружая против него неокесарийцев, хорошие отношения с которыми были особенно приятны и дороги для Василия по воспоминаниям детства и юности. И вот, когда Василий отправился теперь в свое уединение, неокесарийцы, увлеченные Атарвием в савеллианскую ересь и возбужденные им против Василия, отказались от всяких сношений с ним. Даже и среди своих единомышленников Василий часто встречал несочувствие и непонимание. Так, например, кесарийские монахи, которые были на стороне избрания Василия на епископскую кафедру, громко роптали на него и обвиняли его в неправославии. Для устранения подобных нареканий потребовалось даже авторитетное слово Афанасия Великого. "Я удивлен, - писал этот святитель двум пресвитерам Тарса, - безумием тех, которые дерзают говорить против нашего возлюбленного брата Василия, этого истинного служителя Божия". На Василия эти клеветы врагов и непонимание его друзьями действовали временами крайне удручающе. Он делался совершенно больным и готов был вместе с Псалмопевцем повторять: *всякий человек ложь* (Пс. 115, 2).

Все это говорило о том тяжелом состоянии, в котором находилась Церковь. Ереси развили вражду, создали нетерпимость и подозрительность. Василий Великий, однако, стойко выдерживал все клеветы и оскорбления, которые сыпались на него, и достиг того, что враждебность многих епископов заменилась покорностью и преданностью. Григорий Богослов описывает, как епископы переменили тон клеветы и поношений на благоговение, бросились к ногам Василия и признали в нем своего патриарха, законодателя и судию. Этим

результатам Василий обязан прежде всего обаянию своей непреклонной, энергичной и вместе с тем для мира Церкви способной к прощению и доброжелательству личности.

Много огорчений доставило Василию и разделение Каппадокии на две провинции, произведенное Валентом с целью ослабить Василия и усилить арианство, причем столицей нового округа был сделан г. Тиана. Хотя разделение Каппадокии на две области относилось только к административному управлению, но Тианский епископ Анфим, поддерживаемый многими враждебными Василию епископами, заявил притязание на полную самостоятельность, и после упорной борьбы с Василием он сделал Тиану самостоятельной митрополичьей кафедрой. Эта борьба была печальна в том отношении, что послужила причиной временного разрыва между двумя великими друзьями - из-за совершенного Василием назначения Григория Богослова епископом маленького городка Сасима.

Среди всех тревог своей епископской деятельности, низких клевет и неудач, происходивших от распри в Церкви, Василий неуклонно выполнял свои обязанности и твердо проводил те преобразования, которые должны были служить ко благу Церкви. У него не было почти никакого имущества, если не считать книг и поношенной одежды, жил он просто и бедно. Все время у него посвящено было работе. Он управлял епархией, проповедовал, писал, являлся защитником народа перед гражданской властью. В деле устройства Церкви Василий прежде всего обратил внимание на упорядочение жизни и деятельности своего клира. В жизни он требовал от него неуклонного исполнения церковных правил. В деле избрания епископов он свел участие народа и гражданских властей к простому утверждению выбора, сделанного епископами и духовенством. Этим он оградил Церковь от смут и часто грубых сцен, которые происходили от участия народа в избрании епископа. Наконец, он строго преследовал рукоположение в пресвитеры и диаконы за деньги, под предлогом подарков. Эта мера обновила состав клира достойными лицами. Вместе с тем, Василий обратил внимание и на церковное Богослужение. Им составлена Литургия, которая дошла до нас в трех списках - греческом, сирийском и александрийском; им же введены всеобщие бдения с антифонным пением псалмов. Наконец, Василий Великий создал правильную, разумно поставленную церковную благотворительность. Близ Кесарии он выстроил целый город благотворительных учреждений. Здесь были и рабочие дома со всевозможными мастерскими, и больницы, и изолированные лепрозории для прокаженных, и странноприимные дома. Такие учреждения были введены и в округах подчиненных ему хорепископов.

Богослужение при Василии Великом отличалось величавым благолепием и являлось предметом подражания для других епископов. Оно пленило и арианина Валента, и святого Ефрема Сирина.

Император Валент в 371 году отправился в путешествие по Малой Азии. Цель поездки была склонить епископов в арианство. Уже Галатия и Вифиния в лице своих епископов подчинились его воле. Оставалась Кесария, благодаря Василию являвшаяся оплотом Никейской веры. Валент отправил туда префекта Модеста в сопровождении арианских епископов. Модест был жестокий, грубый человек, способный на все. К тому же он пользовался полным доверием Валента и снабжен был в деле усмирения непокорного епископа самыми широкими полномочиями. Некоторые из друзей Василия советовали ему бежать, но он решил исполнить свой долг до конца. Модест призвал Василия на суд, и между ними произошел разговор, в котором раздражение и ненависть префекта разбивались о непреклонность и хладнокровное спокойствие епископа. Попытки префекта склонить Василия при помощи угроз конфискацией имущества, изгнанием, пыткой окончились неудачей. Пораженный поведением Василия,

префект поспешно возвратился к императору и сказал: "Император, мы побеждены епископом Церкви. Он стоит выше угроз, слишком тверд для доводов, слишком силен для убеждения". Но Валент не хотел отказаться от начатого дела. С той же целью он посылал в Кесарию областного начальника Терентия, победителя Прокопия и евнуха Демосфена, но и их постигла неудача. Когда попытки Валента склонить Василия на свою сторону чрез подчиненных ему, Валенту, лиц оказались неудачными, то он отправился к нему сам. В Богоявление 372 года, в сопровождении отряда своих копьеносцев, Валент явился в Кесарийскую церковь. Богослужение совершалось в полном порядке, и появление императора не вызвало никакого замешательства. Стройно пели молящиеся, а за престолом, обратясь лицом к народу, стоял во всем величии своего архипастырского облачения, с посохом в руке, святитель Василий.

Тонкое благородное лицо архиепископа оставалось совершенно спокойным при появлении императора, и взор по-прежнему был обращен лишь к святому престолу. Вокруг престола, подобно ангелам, стояли епископы. Величавое и стройное служение и неземная красота происходящего произвели сильное впечатление на Валента. Наконец, когда царю, по обычаю, нужно было принести свои дары к Трапезе, и с этой целью он продвинулся вперед, то его волнение стало заметным для всех. По-видимому, и у него, и у молящихся было одно настроение: как отнесется Василий к этому приношению, примет ли его, или отвергнет? Прошло тяжелое мгновение. Волнение Валента было так сильно, что он упал бы в обморок на пол, если бы его не поддержал один из пресвитеров. Василий принял приношение, а затем после Богослужения допустил Валента к собеседованию о вопросах веры за завесой алтаря. Разговор шел в мирном и серьезном направлении. К концу собеседования император пришел даже в благодушное настроение. В их богословский разговор с самомнением зазнавшегося выскочки вмешался и евнух Демосфен, специальностью которого раньше было поварское искусство. Намекая на известного оратора Древней Греции Демосфена, Василий в виде возражения по адресу бывшего повара сказал: "Мы здесь имеем, по-видимому, Демосфена, который плохо говорит по-гречески". Беседа с Василием произвела на Валента столь благоприятное впечатление, что он пожертвовал в пользу бедных доходы с своих каппадокийских имений. Он оставил попытки сделать Василия арианским епископом и прекратил против него всякие преследования.

Но злые превозмогли: Василию определено изгнание. "Наступила ночь, приготовлена колесница; враги рукоплескали; благочестивые унывали; путник с охотой готовился к отъезду; исполнено было и все необходимое к этому прекрасному поруганию. И что же? Бог разоряет определение. Поразивший древле первенцев Египта, теперь поражает болезнью сына царева (Галата). И мгновенно! Здесь - писание об изгнании, а там - определение о болезни; и рука писца удержана, муж спасается! Царев сын страдал и изнемогал телом, сострадал с ним и отец. Отовсюду ищет он помощи, избирает лучших врачей, совершает молебствия с усердием, какого не оказывал дотоле. Мать больного видит в недуге сына Божий гнев за гонение Святителя. Но как царь нигде не находил врачевства от болезни, то прибег к Васильевой вере. Василий пришел к одру болящего, не упоминая о случившемся; с его пришествием облегчается болезнь, отец предается благим надеждам".

Валент, возбужденный против Василия арианами, решил изгнать его. Но промысл опять защитил невинного. Царь взял уже трость, чтобы подписать определение о заточении Святителя: трость в руке его ломается, и другая, и третья также. Валент смутился, изорвал бумагу и отменил приговор об изгнании Василия.

"Сказывают, что в то же время случилась болезнь и с областным начальником (Модестом). Постигшая болезнь и его подклонила под десницу святого". Больной просил Василия прийти к нему и помочь ему своими молитвами. Модест выздоровел и всем признавался, что своим выздоровлением обязан молитвам Святителя. С этой поры Василий и Модест сделали друзьями.

Не менее сильное впечатление произвело Богослужение Василия Великого на святого Ефрема Сирина, который в своем молитвенном общении с Богом переживал религиозные чувства высокой напряженности. Его описание совершения святителем Василием Богослужения поэтому является особенно ценным. По рассказу Ефрема Сирина, он, проходя через какой-то город Каппадокии, услышал голос, который сказал ему: "Встань, Ефрем, и иди питаться мыслями". - "Где же я найду их, Господи?" - спросил он. - "Иди в дом Мой, - отвечал голос, - и там ты найдешь царственный сосуд, полный превосходного для тебя питания". Он отправился в церковь и из притвора увидел на ступенях алтаря проповедующего народу архиепископа, на плече которого, шепча ему на ухо, сидел белый, как снег, голубь. Тогда он понял, что он - в Кесарии, и что он видит Василия Великого. "Я видел его, - говорит Ефрем Сирин, - этот сосуд избранный, стоящим пред лицом всей своей паствы, украшенным и обогащенным словами столь же величественными, как драгоценные камни, и все собрание, как казалось мне, сияло Божественным блеском благодати". Василий Великий узнал его, хотя о нем только слышал, но ни разу его не видал. Они обменялись дружественными словами и до самой смерти состояли в переписке.

Часть IV

Но не устройство только подчиненной ему Церкви было задачей деятельности Василия Великого. Как епископа, отдавшего всей душой заботам о благе Церкви, его глубоко угнетали раздоры, порождаемые ересями в Церкви Восточной, торжество в ней арианства и отсутствие мира и единодушия в Церкви Вселенской. Уже с первых шагов своей архиепископской деятельности он старается выполнить свой мудрый и широко задуманный план, который состоял в следующем. В борьбе с арианством, которое становилось все более и более могущественным, Православная Церковь может одержать скоро верх только при условии единодушия всех ее епископов и при авторитетной поддержке Западной Церкви, голос которой тогда еще не утратил своего значения для Востока. Но Православная Церковь ко времени вступления Василия Великого на епископскую кафедру была раздираема раздорами между некоторыми епископами и ослабляема отпадением ее членов в различные ереси. Василий Великий полагал, во-первых, что рядом незначительных уступок, нисколько не нарушающих святости учения Православной Церкви, можно и следует вернуть отпавших от нее. В этом отношении он сходил с Афанасием Великим, который считал безумием допустить, чтобы "две четверти мира были разодраны разногласием о слогах". Однако к терпимости Василия Великого к еретикам большинство монахов и многие из епископов относились подозрительно. Во-вторых, он пытался примирить между собою враждовавших епископов. Но деятельность примирителя редко бывает благодарной, и она, кажется, доставляла Василию Великому больше огорчений, чем удовлетворения. Наконец, окончилась неудачей попытка завязать близкие отношения с Западной Церковью в целях созыва Вселенского Собора, который бы вынес решительное осуждение арианству и гонениям на Православную Восточную Церковь.

История этой попытки очень поучительна, и основанием для нее послужил раздор в Антиохийской Церкви. В Антиохии в это время было три патриарха: арианский, православный

Павлин и православный же Мелетий. Благодаря поспешности Люцифера Каларийского, который посвятил в патриархи Антиохии Павлина при законном патриархе ее Мелетии, в Антиохийской Церкви между этими патриархами поднялась борьба, причем притязания Павлина нашли поддержку у папы Дамаса в Риме и Афанасия в Александрии. Но Василий Великий и вся Восточная Церковь признавали право на Антиохийское патриаршество за Мелетием, в православии которого не было никаких сомнений. Желая прекратить Антиохийскую схизму, Василий Великий обратился к Афанасию с горячей и искренней просьбой о помощи в деле восстановления в Церкви любви и мира. Почти одновременно, а именно в 372 году, он отправил в Рим с Дорофеем такого же содержания письмо Дамасу. Попытка привлечь Афанасия Великого на сторону Мелетия окончилась неудачно, так как Мелетий со своей стороны ничего не предпринял в смысле расположения в свою пользу Афанасия, а из Рима от Дамаса не было получено определенного ответа. Вторично Василий Великий обратился уже непосредственно к епископам Италии. Это оскорбило Дамаса, который думал, что обращение будет сделано непосредственно к нему как блюстителю кафедры апостола Петра. Наконец, Василий еще раз, и тоже безуспешно, написал западным епископам, прося их помощи.

В 376 году промелькнула надежда на успех, так как Рим предполагал решить дело в пользу Мелетия. Но представитель Василия Дорофей чем-то не угодил Риму, и в 377 году прибыл от папы окончательный ответ, который явился полной неожиданностью для Василия. Папа в этом ответе заклеил именем ариан друзей Василия - Мелетия и Евсевия Самосатского - и все дело решил в пользу Павлина. Василий же, будучи убежден в полной невинности Мелетия, отказался принять какое-либо решение. Так печально завершилась столь глубоко задуманная задача - восстановление мира в Церкви.

Василий Великий мог сказать, что он один боролся против разделений, так как ни восточные епископы, ни Запад не хотели по личным расчетам и из-за самолюбия прийти ему на помощь в деле объединения Церквей и внесения мира. Он один в Малой Азии, как в Александрии Афанасий, своим высоким авторитетом и своим служением на пользу Церкви сдержал напор торжествующего арианства и препятствовал его утверждению. Но и те неудачи, которые он испытал в деле объединения Церквей, не свидетельствовали о бесплодности его попыток. Плоды его трудов и в этом направлении обнаружались в полной силе, но уже после его смерти.

Весь погруженный в заботы об устройении Церкви и в управление епархией, Василий Великий находил возможным заниматься и богословскими трудами. Его "Шестоднев" - девять бесед на 1-ю главу (ст. 1 - 26) Книги Бытия замечателен не только своим глубоким религиозным настроением, но и по тем философским и научным выводам, которые сохранили свою ценность и для настоящего времени. "Когда, - говорит Григорий Богослов, - я беру в руки и читаю его "Шестоднев", то прихожу в общение с Творцом". Затем им написаны Беседы на псалмы 1, 7, 14 (две), 28, 29, 32, 33, 44, 45, 48, 59, 61, 114, 115.

К догматическим сочинениям святого Василия принадлежат: 1) три книги против Евномия. В них святитель Василий раскрывает православное учение о Втором Лице Святой Троицы и доказывает несостоятельность ереси Евномия, который являлся одним из крайних толкователей и последователей арианства (4-я и 5-я книги против Евномия, обыкновенно присоединяемые к первым трем, принадлежат Дидиму). 2) О Святом Духе, к Амфилохию Иконийскому. Этот второй труд святитель Василий написал по просьбе Амфилохия, ввиду тех обвинений, которые распространены были о Василии Великом, что он неправильно учит о

Святом Духе. В этом сочинении святитель Василий решительно высказывается о еретических учениях и устанавливает правильное учение о Третьем Лице Святой Троицы.

Затем святителем Василием написано много *Слов* и *Бесед*, и он же является составителем нравственных и монашеских правил. Первые, числом 80, подкреплены ссылками на Священное Писание. Вторые подробно определяют и цель, и прохождение монашеской жизни.

Наконец, после Василия Великого осталось большое количество его писем к разным лицам. Эти письма являются драгоценным источником для истории ересей и подробно характеризуют состояние Православной Церкви того времени. Вместе с тем, в них полно отразилась личность самого святого Василия, а потому они являются прекрасным источником для христианского назидания.

Краткую, но очень верную оценку всех творений Василия Великого дал его друг. "Когда я читаю его толкования, я не удерживаюсь, - говорит Григорий Богослов, - на простой внешней букве, а глубоко проникаю в дух и слышу, как бы это был один глубокий призыв к другому, и я вижу свет, стремящийся к Свету, и таким образом постигаю возвышенное значение Священного Писания".

Василий Великий скончался 1 января 379 года, а через несколько месяцев собрался Константинопольский Собор, председателем которого ему надлежало быть по праву. Таким образом, Василий Великий прожил около 50 лет, из них 30 лет являлись приготовлением к служению Церкви и только 20 лет посвящены были этому служению. Но эти 20 лет были полны такой кипучей энергии, такого непосильного труда, которые быстро подточили его силы. Последние годы его жизни были одною "долгою болезнью". Но не телесные недуги угнетали великого Святителя, угнетали его сознание неустроенности Церкви, отсутствие мира и единения в ней и падение веры. "Каково, - писал он своему другу Асхолию, епископу Фессалоникийскому, - состояние нашего счастья? Любовь охладела. Учение наших Отцов опустошено, совершилось много кораблекрушений веры. Уста благочестивых смолкли". И эти жалобы часто прорывались в его письмах.

И лишь погребение Василия Великого объединило всех в признании огромной для православных утраты, в признании всеми, без различия народностей, его высоких качеств.

"Когда течение скончав и веру соблюдиши, - пишет святитель Григорий, - возжелал святой Василий разрешиться, и наступило время к принятию венцев, тогда совершает он новое чудо. Будучи уже почти мертв и бездыханен, он оказывается еще крепким при произнесении исходной своей молитвы, чтобы отойти отселе с вещаниями благочестия. Василий лежал при последнем издыхании, призываемый к горнему ликостоянию, к которому с давнего времени простирал свои взоры. Вокруг него волновался весь город: нестерпима была потеря; жаловались на его отшествие, как на притеснение; думали удержать его душу, как будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами (горечь делала их безрассудными); и всякий, если бы только мог, готов был приложить ему что-нибудь от своей жизни". Чудо, которое совершилось в день смерти Василия, состояло в следующем. Некто Иосиф еврей, отлично зная врачебное искусство, будучи хорошо знаком Святителю, посетил его, умиравшего, и предсказал ему, что он не проживет и до завтра. "Если же жизнь твоя продлится до завтра, - сказал Иосиф, - я крещусь во имя Того, Который только силою Своего Божественного Всемогущества может продолжить жизнь твою". Иосиф удалился. Святитель Василий, сложив охладевшие свои руки, молился Господу Иисусу даровать умирающим его

членам несколько часов жизни и дыхания, дабы душа этого человека (Иосифа) сделалась участницею спасения и блаженства. На другой день Иосиф, увидев святого Василия живого, пал пред постелью его на колена и воскликнул: "Теперь я совершенно уверен, что Бог твой есть Истинный Бог, теперь я в точности исполню свое вчерашнее обещание". Больной сказал: "Я сам буду и крестить тебя". Настал час крещения, и Василий является пред алтарем Господним крестить, и продолжает Богослужение до 3-го часа пополудни в 1-й день января 379 года. В этот же день святитель Василий преставился.

Его гроб провожали христиане, иудеи и язычники. Он был погребен в церкви мученика Евпсихия рядом с другими епископами. Последними предсмертными словами святого Василия Великого были: "В руки Твои предаю дух мой". Память его 1/14 января и 30 янв./12 февр. (Даты даны по старому и по новому стилям. - *Ред.*)

Святой Амфилохий, епископ Иконийский, современник Василия Великого, умерший в 394 году, в слове своем в день его смерти говорил: "Великий Василий, великий архиерей Церкви, прошел небеса не телом, но созерцанием и духом. Подражая Первому и Божественнейшему Иерарху - Иисусу Христу, он и сам вошел во внутреннейшее завесы, изнес оттуда закон духа и гром учения, и молниеносною Евангельскою проповедью поразил и низложил закон письмени и обрезания плотского. Василий - ярко горящий светильник Кафолической Церкви, светлое солнце Евангельской истины, осиявающее всю землю лучами своего Богословия, неподражаемый по делам, недосызаемый по умозрению, совершенный по разуму, жизни и добродетелям, премудрый по наукам Божественным и человеческим, так что в нем, вообще можно сказать, не было никакого несовершенства. Изучив вполне всю мудрость мирскую и все науки человеческие, он все сие скоро поверг к ногам учеников Иисусовых; благоговейно и глубоко проникнув все древние и пророческие священные книги, святой Василий прямо притек чрез них к совершеннейшей вере в Иисуса Христа и утвердился в ней. Имея своим руководителем Евангелие, он достигал таким образом истинного познания пророков, а чрез познание учения пророческого входил в точное разумение Евангелия, и при помощи того и другого приобрел яснейшее ведение Божества. Василий - высокий и величественный столп Церкви Божией, светило Богословия, красота иерархии, истиннейший человек Бога Отца, пламеннейший благовестник Единородного, вернейший приставник и домоправитель Духа Святого, чадо мудрости, чертог разума, сокровищница познания, училище благочестия, истолкователь таинственного и Божественного совета, несокрушимая и незыблемая твердость силы и крепости Христовой, учивший и наставлявший всех людей страху Божию, заповедям Господним и благочестию. Великий Василий - царская труба Слова Божия, огласившая силою звука своего концы вселенной. Громко возвещая обрезание духа в Божественном крещении, он более, нежели кто-либо другой из богословов, содействовал к прекращению обрезания по плоти. Посему не без причины и не случайно Божественный Василий разрешился от тела и преставился от земли к Богу в день Обрезания Иисуса, празднуемый между днем рождения и крещения Христова. Поелику сей блаженнейший, проповедуя и восхваляя рождение и крещение Христово, превозносил обрезание духовное, то и сам, совлекись тела, удостоился вознестись ко Христу именно в священный день воспоминания Обрезания Христова. Посему-то и установлено в настоящий день ежегодно чтить память Великого празднованием и торжеством. И вот Святая Вселенская Церковь во всех пределах земли ныне совершает священную и всевятую память Василия, и, достойно прославляя ее Божественными хвалами, вместе воспевает и прославляет Христа дивного во святых Своих. <...>

"Сей великий муж принадлежит не к одной Кесарийской Церкви, коей был Святителем, и не в свое только время, не одним соплеменникам своим был полезен, но всем странам и градам вселенной, и всем людям приносил и приносит пользу, и для христиан всегда был и будет учителем спасительнейшим. <...>

Почтим же теперь память сего Богоносного отца, почтим достодолжно учителя песнопениями и Богодухновенными хвалами силы и добродетели; почтим его как истинного отца, который породил нас Евангелием во Христе Иисусе и своим учением преобразил нас, по внутреннему человеку нашему, в Богоподобных чад".

Святитель Григорий Богослов, прославляя святого Василия Великого, писал, что "он был опора веры, правило истины, образец в Церкви, обитель Духа, муж, превзошедший меру и жизни человеческой, и добродетелей, муж многообъемлющий, великий и святой; душа его была Божественна, он был мужественный подвижник истины, который не иным чем дышал, как благочестивым и спасительным для всего мира учением; для всех был он образцом веры и добродетели, слово его было высокоумно, глубоко и совершенно".

В V веке Анатолий Константинопольский, в VIII - Иоанн Дамаскин, Герман Константинопольский, и затем в последующие века - монах Василий и Византий написали священные песни, которыми Церковь и ныне прославляет святителя Василия Великого.

Восхваляя его, Церковь, между прочим, поет: *"Во всю землю изыде вещание твое, яко приемшую слово твое, имже боголепно научил еси: естество сущих уяснил еси, человеческия обычаи украсил еси, царское священство, отче преподобне, моли Христа Бога, спаситися душам нашим"*. (Тропарь Святителю, гл. 1).

На всенощном бдении в день святого Василия Великого, когда бывает праздник и Обрезания Господа, Церковь произносит в честь этого праздника две паремии и одну в честь Вселенского Учителя и Святителя о высоком совершенстве праведных и благе от них для ближних (Притч. 10, 32 - 11, 12). Евангелие утреннее в честь Святителя то же, что на утрени в день святого равноапостольного Константина (Ин. 10, 9 - 16). На Литургии, которая в день 1 января бывает святого Василия Великого, чтением Апостола в честь его Церковь возвещает о совершеннейшем Архиерее - Сыне Божиим, Которому святитель Василий Великий подражал (Евр. 7, 26 - 8, 2); чтением Евангелия благовествует учение Иисуса Христа о блаженстве нищих духом, алчущих и жаждущих правды и гонимых за веру Христову (Лк. 6, 17 - 23), каким был и святой Василий Великий.

Источник: «Святитель Василий Великий (его жизнь и деятельность) Беседы на Шестоднев», Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Москва, 1999
<https://eparhia-saratov.ru/Content/Books/23/1.html>